

ЗАКОНЫ ВЫЖИВАНИЯ

18+

L. C.

LI SI

Законы выживания

<https://litres.ru/74688959>

SelfPub; 2026

Аннотация

План на последний курс был прост: улыбаться на парах, выглядеть на миллион и забрать диплом бакалавра. И всё шло идеально, пока в аудитории не появился новый препод. Кажется, его личная миссия на этот год — не дать мне спокойно доучиться. Иначе зачем его взгляд сканирует меня на каждой паре, выискивая повод для провала?

Наивный. Разъезжая на своих крутых тачках, он вряд ли понимает, что значит ухаживать за сворой детей, бесконечно поддерживать отца, учиться в универе и при этом при всем еще и не забить на себя. Так что одним взглядом меня точно не испугаешь.

Что ж, давайте проверим, псевдопрофессор, чьи нервы сдадут первыми.

#от_стереотипов_к_глубокому_познанию_друг_друга
#противостояние_характеров #сильная_героиня
#сложные_отношения #богатый_герой #тайны_и_секреты
#острые_диалоги #властный_герой #студентка_и_преподаватель
#герой_самоуверенный_эгоист

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	50
Глава 5	64
Глава 6	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

LI SI

Законы выживания

Глава 1

— Лёвочка, солнце моё, ты покушал?! — заорала я из кухни в сторону столовой, выглядывая через большой арочный проем и отчаянно пытаюсь перекричать дикий грохот в коридоре и шипение масла на сковороде. — Если ты всё, то быстро ноги в руки и надевай школьную форму! Я оставила брюки и рубашку на твоей кровати! Лёва, бегом, опаздываете! И спортивку прихвати - у тебя сегодня физкультура!

Из глубины столовой донеслось невнятное, сонное мычание. Восьмилетний Лёвка — у нас парень милый и послушный, но вместе с тем, скорость его пробуждения примерно равна скорости таяния ледников в Антарктиде. Он мог зависнуть над одной пуговицей минут на пятнадцать, глубоко размышляя о происхождении вселенной или о том, почему у динозавров не было портфелей.

Я резко повернулась, едва не задев бедром угол старого деревянного стола, который мы никак не можем поменять уже года три. В дверях кухни материализовался отец. Он выглядел так, словно за ночь постарел еще лет на пять. Рубашка помята на локтях, верхние пуговицы расстегнуты, а на лице — серая тень бессонницы. Наш круглосуточный бар на Ленина по выходным традиционно превращался в филиал бойцовского клуба, и отец, как бывший «решала», лично разнимал там особо буйных эстетов.

— Па-а-ап! — я укоризненно вздохнула, уперев свободную руку в бок. — Ты сегодня без завтрака, что ли? Дети почти готовы, сам кушать собираешься? Или твой организм теперь питается исключительно сигаретным дымом?

Отец устало потер переносицу, и в его глазах проскользнула слабая, виноватая улыбка.

— Не успею, Аль, — тихо прохрипел он, садясь на край стула и сразу же проверяя что-то в своем разрывающемся от звонков телефоне. — У меня с утра встреча важная, там поем, в кофейне. Тебя саму-то подбросить до универа? А то сегодня как будто пасмурно, точно ливанет.

— Не, не надо, обойдусь, — я ловко отскребла лопаткой остаток омлета со дна сковородки, следом закидывая его в мусорку. — Главное, закинь зайчиков в школу.

И замерла, опустив лопатку. Внутри привычно заскреблось нехорошее предчувствие. Все эти «встречи в кофейнях» у людей с прошлого моего отца редко заканчивались простым обсуждением погоды.

— А что за встреча с утра пораньше? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, хотя сердце уже забило тревогу. — Это не те типы, которые пытались «крышевать» наш ломбард на Советской?

— Да нет, Алекса, успокойся, — отец отмахнулся, но взгляд отвел, что мне жутко не понравилось. — Друг один старый попросил встретиться. С какой-то идеей коммерческой. Говорит, дело верное, расширение юридического кон-

салтинга или что-то в этом роде. Хочет, чтобы я вошёл в долю как соучредитель.

Я сильно закатила глаза, опасаясь, что глазные яблоки застрянут в таком положении навсегда.

— Пап, прошу тебя, не соглашайся сразу! — сделала шаг к нему. — Пожалуйста. Обещай, что ты просто слушаешь и уйдешь. А то в прошлый раз мы из-за «верной идеи» твоего очередного закадычного друга так встряли, что я три недели из налоговой не вылезала, доказывая, что наши ломбарды не отмывают деньги местных авторитетов. Моя нервная система с тех пор так и не восстановилась.

— Да помню я, всё помню, — отец примирительно поднял ладони. — Не беспокойся, на рожон не полезу. У меня четверо детей дома, я не самоубийца. Слушай, тут другой вопрос еще есть... Мне новый бухгалтер наш не нравится. Думаю заменить её. Что-то она со сроками по отчётам в последнее время так косячит. Последний квартальный еще задержала, пришлось самому инспектора набирать, обещали снова штраф закинуть за просрочку.

— Татьяна? — вздохнула, наливая себе в кружку наспех заваренный черный кофе. — Я поговорю с ней сегодня после пар. Или давай лучше вечером нормально это обсудим. Из-за пары отчетов увольнять знакомого человека — не лучшая идея, пап. К тому же, у тебя бизнес специфичный, не каждый согласится вести дела ломбардов и дешевых кабаков, где наличка рекой течет и половина приходников пишется на ко-

ленке.

— Ладно, юрист, уговорила, — отец сделал быстрый глоток горячего кофе, поморщился и поднялся из-за стола, на ходу подхватывая ключи. — Вечером обсудим. Мелкие! Полторы минуты на сборы, или пойдёте пешком под дождем!

— Я готов! Я всё съел и оделся! — влетел Лёвка, размахивая портфелем.

Я глянула на него и приложила руку ко лбу. Ну конечно. Брюки на месте, но синяя школьная рубашка была застегнута так, словно он застегивал её в темноте одной левой ногой: пуговицы съехали на две петли вверх, воротник стоял дыбом, а одно плечо перекосило.

— Лёва, ну, — я со смехом поймала его за плечи, растягивая кривые пуговицы и перестегивая их заново прямо на ходу. — Кривой воротник — это не модно в этом учебном году. Вот теперь ты парень хоть куда, настоящий примерный школьник. Беги к машине.

— А Денис опять мои наушники взял! — в кухню вплыла Камилла. Настоящая одиннадцатилетняя трагическая актриса без Оскара. Волосы растрепаны, халат волочится по полу, на лице — вся скорбь мира. — Скажи ему! Он вообще обнаглел, забирает мои вещи и делает вид, что так и надо!

Сзади неё бесшумной тенью попытался просочиться Денис. Семнадцать лет, рост под метр восемьдесят, плечи как у шкафа, а ума — как у ракушки, когда дело касается порядка. Его рюкзак висел на одном плече, замок был сломан, и

оттуда сиротливо торчал уголок тетради.

— Слышь, мелкая, не брал я твои наушники, — буркнул он своим ломающимся басом, стараясь не встречаться со мной взглядом. — Они на телевизоре валяются, глаза разуй.

— Так, стоять! — преградила Денису дорогу к выходу, уперев руки в бока. — Денис, убрать со стола ничего не забыл? Или у нас в штате появилась невидимая прислуга, о которой я не знаю?

— Чё сразу я-то? — тут же взвился брат, надув губы так, что они стали похожи на две сардельки. — Пусть Камилла убирает, она девчонка! Её обязанность!

— Камилла вообще-то завтрак на всех помогала готовить, пока ты подушку плюшил до последнего. Так что давай, тащи свою ленивую жопу и марш к раковине. Тарелки сами себя в посудомойку не сложат, тем более что её у нас нет. Фартук надеть не забудь, а то рубашку испортишь!

— Алекса, ну блин! Давай вечером, после школы! Кому днем эта посуда сдалась? Дома все равно никого не будет, — заканючил этот детина, пытаясь обойти меня по стеночке.

— Денис, мы уже это обсуждали. Я тебя не просто так прошу. Не для того, чтобы работой нагрузить. Я одна весь быт не потяну, поэтому работаем в команде, помнишь? — я резко сократила дистанцию и с силой ткнула его пальцами прямо в бока, под ребра.

Денис взвизгнул, как испуганный поросенок, подпрыгнул на месте и задергался, пытаясь увернуться. Он жутко боялся

щекотки, и это было моим главным оружием массового поражения в спорах с ним.

— А-а-а, хорош! Всё, понял, уберу я! — сквозь дикий хохот взмолился брат, пятясь к раковине и выставляя вперед руки. — Убери пальцы, у меня сейчас судорога будет!

— Работай быстрее руками, а не языком, — победно хмыкнула, поправляя съехавшую футболку. — И давай шевелись. Папа сейчас начнет сигналить.

Затем развернулась к сестре.

— А ты Афродита почему еще в халате? Со мной на трапике хочешь поехать?

После моих угроз вся команда, спешно зашевелившись, вывалилась из дома. Помещение мгновенно затихло. Хлопнула входная дверь, взревел старый мотор отцовской машины, и во дворе воцарилась долгожданная тишина. Я осталась одна среди этого поля боя, пахнущего яйцами, тостами и пригоревшим сыром.

Вздыхнула и посмотрела на часы на микроволновке. Семь ноль пять.

— Ну замечательно, Алекса. У тебя ровно тридцать пять минут, чтобы превратиться из замученной бытом золушки в королеву юрфака, — пробормотала я себе под нос, направляясь к лестнице. Опаздывать было нельзя. У меня на кону стоял красный диплом и бюджетное место. Потеряю бюджет — и отцу придется крупно раскошелиться, чтобы оплатить мою учебу. Чего я конечно же не допущу.

Влетев в свою комнату, первым делом вытащила из шкафа огромную спортивную сумку. Туда полетело белоснежное кимоно для тхэквондо и маленькое полотенце. В нашем вузе тхэквондо было официальной альтернативой физкультуре. Занятия проходили вечером, два раза в неделю, зато днем мы могли законно прогуливать пары физры, пока остальные бегали круги на стадионе. Для меня это было идеальным раскладом. В зале я могла не думать о том, чем кормить детей на ужин, об уроках Левки или предстоящих экзаменах Дениса, о папином бизнесе. Там я просто с головой уходила в механические движения и правильность выполнения действий. И била. Жестко, шумно, с криком выплескивая всю ту ярость, которая копилась во мне днями.

Я застегнула молнию сумки и поставила её у двери. Теперь — время для маскировки. Распахнув шкаф, придиричиво разглядела вешалки. Мой выбор пал на трикотажное платье голубого цвета. Материал был мягким, безумно приятным, облегающим фигуру как вторая кожа, но без намека на пошлость. Под него надела хлопковый топик. Я давно отказалась от лифчиков — это дарило сумасшедшее ощущение свободы, легкой дерзости и комфорта, который мне был так необходим в моем вечном стрессе. И села перед зеркалом, открывая косметичку.

Длинные, тяжелые иссиня-черные волосы струились по моим плечам плотным шелковым водопадом. Но моим главным козырем были глаза. Ледяные, пронзительно-голубые,

на контрасте с темными волосами они казались почти прозрачными. В них не было и следа утренней суеты.

Подвела глаза тонкими ровными черными стрелками, сделав взгляд еще более цепким, колючим и опасным. На губы нанесла каплю матового нюдового блеска. На пальцы я надела два массивных серебряных кольца со сложным узором — еще одни «трофеи» из отцовского ломбарда, которые я собственноручно отчистила до зеркального блеска. Они добавляли образу немого веса. Затем поднялась, поправляя подол платья и крутясь перед зеркалом.

Идеальная осанка, которую мне поставили годы тренировок на татами, сейчас работала на мой образ. Никто и никогда, глядя на эту холеную, уверенную в себе брюнетку, не догадается, что полчаса назад она уворачивалась от брызг масла на кухне старого дома с остатками бывшего величия, и угрожала брату щекоткой.

Подхватывая тяжелую спортивную сумку и накидывая на плечи легкую короткую ветровку, я заперла дверь на два оборота, проверила, хорошо ли закрыты окна на первом этаже, и вышла на крыльцо. Мой путь до университета пролегал через три квартала серых хрущевок, мимо унылых витрин круглосуточных гастрономов и пыльных тополей. Каждое утро я проделывала этот маршрут на старом, дребезжащем троллейбусе под номером семь, с остановки нашего маленького частного сектора внутри города. Троллейбус подошел вовремя, обдав меня облаком влажного холодного воз-

духа. Я зашла внутрь, устроилась у грязного окна. Город за окном медленно просыпался, умытый мелкой моросью.

Четвертый курс. Последний год этой бесконечной гонки за красным дипломом. Я помню, как три года назад переступила порог университета с трясущимися коленками и наивной верой в то, что закон действительно один для всех. Теперь от моей наивности не осталось и следа. Юриспруденция оказалась циничной штукой, где выигрывает не тот, кто прав, а тот, кто умеет лучше манипулировать параграфами. И я научилась. Я зубрила кодексы, половину из них забывая уже в следующем семестре, сдавала сессии на одни пятерки, лавируя между капризами преподавателей и бесконечными семейными драмами. Этот диплом был нужен мне не для рамочки на стене. Он был моим билетом в мир, где не нужно дрожать перед каждой налоговой проверкой и гадать, закроют ли завтра отцовский ломбард.

Когда троллейбус дотащился до нужной остановки, я вышла и быстрым шагом направилась к величественному зданию университета с белыми колоннами. У входа, несмотря на мерзкую погоду, уже толпились кучки студентов.

— Лекса! — звонкий, восторженный голосок вырвал меня из мыслей.

Из толпы ко мне ураганом вылетела Маша — моя единственная подруга в этом серпентарии. Вечно смешливая шатенка с густыми крупными кудрями, одетая по последнему писку молодежной моды.

— Привет, — я улыбнулась, когда Маша повисла у меня на шее, обдав ароматом сладких ванильных духов.

— О боже, Лекса, ты как всегда выглядишь так, будто только что сошла с подиума в Милане! — зашебетала она, разглядывая мое платье под распахнутым тренчем. — И как у тебя не пушатся волосы в такую сырость? Мои просто сдались и превратились в одуванчик!

— Секрет фирмы, Маш, — подмигнула я ей, увлекая её за собой в теплый вестибюль университета. — Давай быстрее внутрь, а то у меня пальцы на ногах уже синеют, надо было ботинки надеть.

Мы сдали верхнюю одежду в гардероб. Маша вертелась рядом, явно сгорая от нетерпения чем-то поделиться.

— Слушай, ты не представляешь, как я вчера потусила! — зашептала она, когда мы поднимались по широкой мраморной лестнице на третий этаж. — Мы с девчонками ходили в новый клуб в центре. Ну, который с неоновыми вывесками и закрытым VIP-залом. И угадай что?

— Тебя опять угостили бесплатным коктейлем, и ты решила, что это любовь всей твоей жизни? — иронично приподняла бровь я.

— Хуже! — Маша придвинулась ближе. — Меня заметил один парень из ложи. Такой... ну знаешь, типичный мажор, но жутко милый и щедрый! Нам весь вечер носили самое дорогое шампанское. Он оставил свой номер и обещал показать на своей новой тачке на выходных.

— Маш, — я вздохнула, мягко качая головой. — Ты же знаешь этих «щедрых мажоров». Сегодня они катают тебя на тачке, а завтра не помнят, как тебя зовут.

— Да знаю я, знаю, мамочка Алекса включила режим контроля, — отшутилась подруга, легонько толкнув меня локтем в бок. — Но надо же хоть иногда расслабляться! Кстати, о проблемах... Ты видела, кто у нас сегодня ведет вторую пару?

Мы как раз подошли к дверям лекционной аудитории. Вокруг толпились однокурсники, и в воздухе висело странное, возбужденное ожидание. Осенний семестр только начался, шла первая неделя учебы, но все уже стояли на ушах.

— Предпринимательское право? — ответила я, сверяясь с расписанием в телефоне. — Там же вроде обещали какого-то нового преподавателя.

— Не просто нового, — подруга округлила глаза, переходя на благоговейный шепот. — Я вчера общалась с девчонками с параллельного потока. Они сказали, что этот препод — просто космос! Дико горячий, молодой, пришел из какой-то крутой юридической фирмы. Наши девицы уже записались к нему на первую парту.

— Горячий? — я не сдержала язвительного смешка, складывая руки на груди. — Горячий, потому что жарит студентов на сковородке во время сессии? Если он пришел из крупного бизнеса, значит скорее всего, он циничный и заносчивый тип, который будет самоутверждаться за счет нашего

курса. Такие «горячие» обычно устраивают самый жесткий ад на зачетах. Мне его «горячесть» даром не сдалась, мне нужен мой зачет автоматом и спокойная жизнь.

— Ой, ну тебя, Лекса! Вечно ты всё портишь своей прагматичностью, — надулась подруга, но тут же потащила меня внутрь аудитории. — Пошли быстрее, а то все нормальные места займут.

Аудитория, в которой должны были пройти две лекции подряд, представляла собой огромный амфитеатр с деревянными партами, уходящими круто вверх. Первые ряды уже были плотно оккупированы девчонками, которые судорожно поправляли макияж и вытягивали губы перед зеркальцами. Выглядело это зрелище жалко и смешно. Я прошла мимо них на третий ряд — не слишком близко, чтобы не мозолить глаза светилам науки, но и не слишком далеко, чтобы преподаватели не подумали, что я отлыниваю.

Первая пара — унылая лекция по международному праву — тянулась бесконечно долго. Старенький профессор бубнил что-то монотонным голосом под шорох ручек и приглушенный шепот. Я послушно конспектировала, но мысли мои постоянно возвращались к дому. Как там наш мягкий Лёвка? Какие новости ждут меня от Дениса в этот раз? Не ввязался ли отец в очередную авантюру со своим «старым другом»? Каждое мое утро было наполнено вечным страхом, что хрупкий баланс нашей семьи рухнет.

Когда прозвенел звонок уже на вторую пару, в аудитории

мгновенно поднялся гул. Девчонки на первом ряду зашуршали косметичками с удвоенной силой.

— Идет! — пронеслось по рядам.

Я откинулась на спинку деревянной скамьи, скрестив ноги. Заразительная интрига, кажется, передалась даже мне. Дверь аудитории резко распахнулась. Шум в зале мгновенно стих, словно кто-то нажал на кнопку «выкл». В проеме показался мужчина, и по рядам пронесся едва слышный шепот женской половины курса.

Он не был похож на наших обычных профессоров. Высокий, широкоплечий, с прямой уверенной осанкой. Напомнил человека, который привык заходить в помещения без стука. На нем был пиджак, расстегнутый на все пуговицы, под которым угадывалась качественная кашемировая водолазка графитового цвета, подчеркивающая рельеф груди. Стилль - дорогой, слегка небрежный кэжуал, который, вероятно, стоил как месячный бюджет небольшого провинциального городка. Моя первая мысль: *"Что этот мажор тут забыл?"*

Он шел размашистым, хищным шагом, не глядя на студентов. Положил на кафедру дорогой кожаный портфель, бросил рядом массивные ключи от машины и только после этого медленно повернулся к аудитории.

Его лицо казалось безэмоциональным: резкие скулы, выделяющийся подбородок, темные волосы, зачесанные назад, и темные сканирующие глаза. Он окинул амфитеатр одним

быстрым, оценивающим взглядом, заставив каждого в аудитории почувствовать себя букашкой под микроскопом. Его взгляд безразлично мазнул и по моему ряду тоже, и пошёл дальше, не задержавшись ни на секунду. Для этого человека вся наша аудитория, забившаяся под завязку, была не более чем безликой серой массой, которую его величество снизошло поучить жизни в перерывах между своими важными делами.

Иверский Б. — а именно так было написано в расписании под названием предмета — небрежно облокотился ладонями о край кафедры. Пуговицы на манжетах пиджака тускло блеснули в полумраке душного зала.

Он молчал секунд пятнадцать, заставляя триста человек ловить каждое его дыхание. Напряжение в аудитории стало почти осязаемым. Девчонки с первого ряда, еще минуту назад активно поправлявшие макияж, замерли с полуоткрытыми ртами.

— Добрый день, — его голос оказался очень спокойным, подстать его манерам. — Меня зовут Богдан Григорьевич Иверский. Ближайшие два семестра я буду читать вам курс Предпринимательского права. Сразу хочу прояснить несколько правил, чтобы у нас не возникло... иллюзий.

Он сделал небольшую паузу, и его тонкие губы изогнулись в натянутой улыбке.

— Я практикующий юрист, и моё личное время стоит дорого. Тратить его на то, чтобы пересказывать вам учебники,

которые вы обязаны читать дома, я не намерен. Мой предмет — это не лекции. Это практика. На зачёте и экзамене я буду требовать от вас не цитаты из кодексов, а умение думать. Те, кто привык выезжать на красивых конспектах, чужих шпаргалках... — его взгляд на долю секунды снова прошел мимо меня, — ...или других сомнительных талантах, могут сразу писать заявление на перевод. Поверьте, облегчите жизнь и себе, и мне. Вопросы есть?

В аудитории воцарилась гробовая тишина. Маша рядом со мной тихонько вжалась в плечи, сжав мою руку под партой.

— Отлично, — констатировал Иверский, даже не дождавшись ответа. Он открыл портфель и достал оттуда тонкий планшет. — Тогда начнем. Записываем тему...

Я сидела неподвижно, уставившись в свою пустую тетрадь, а внутри меня медленно поднималась паническая волна.

Господи, за что мне это именно сейчас?

Всё ведь шло так хорошо! Три года я выстраивала эту идеальную систему. Знала характер каждого препода в этом университете: знала, кому нужно улыбнуться, кому подыграть в споре, перед кем вовремя признать свою ошибку, чью лекцию выучить так, чтобы от зубов отлетало, а к кому просто прийти на консультацию с умным видом, чтобы получить свой зачёт без лишней нервотрепки. Я со всеми дружила, меня все любили. И тут, на финишной прямой, когда до

красного диплома осталось всего два несчастных семестра, на мою голову сваливается этот напыщенный, самоуверенный пижон.

Этот Иверский явно пришел сюда не учить. Он пришел ломать. И судя по его ледяному тону, ломать он будет со вкусом.

Сжала ручку так сильно, что костяшки пальцев побелели, и посмотрела на трибуну, где новый профессор уже начал диктовать материал.

«Законы выживания, Аля, — мысленно приказала я себе, делая глубокий вдох и заставляя лицо принять выражение вежливого спокойствия. — Ты справлялась с налоговыми проверками и пьяными дебоширами. Справишься и с этим индюком».

Затем опустила ручку на бумагу и послушно вывела первую строчку.

Глава 2

С первой секунды, как начала записывать лекцию, я полностью отключилась от реальности. Потому что Богдан Григорьевич не просто диктовал — он вел допрос. Задал такой сумасшедший, динамичный темп, что у меня пальцы сводило от скорости письма, а мозг плавился и взрывался, как масло в микроволновке. При этом он не стоял у трибуны, лениво почитывая слайды презентации. Он мерил шагами пространство перед доской — высокий и собранный — и засыпал притихшую аудиторию вопросами, которые не имели ничего общего с сухой теорией из учебников.

— Представьте ситуацию, — резко развернулся к студентам. Его темно-карие глаза просканировали ряды с безжалостностью тепловизора. — Ваш клиент — соучредитель ООО с долей тридцать процентов. Второй партнер без его ведома выводит ключевые активы на дочернюю компанию. Ваши действия как корпоративного юриста? Кодексы не открывать, там этого нет. Мыслим логически. Ну же?

Наш курс, обычно любящий поболтать о вчерашних вечеринках, сейчас сидел тише воды, ниже травы. Девчонки с первого ряда буквально вжались в парты, молясь только об одном: чтобы его взгляд не остановился на них.

— Левая сторона, третий ряд, — бросил Иверский, даже не глядя на парня, в которого ткнул пальцем. — Ваше реше-

ние?

— Э-э... оспорить сделку в арбитраже? — выдавил из себя бледный однокурсник.

— На каком основании? — мгновенно срезал Иверский.
— Сделка совершена в рамках обычной хозяйственной деятельности. Формально всё чисто. Что же делать? Думаем, господа будущие юристы. Нам за это деньги платят. Или ваша единственная цель после выпуска договоры купли-продажи квартир по шаблону из интернета заполнять? Тогда вы ошиблись дверью.

Он двигался как хищник на охоте — плавно, уверенно, заставляя аудиторию держать спины прямо. Каждую часть подготовленной лекции он подкреплял реальными случаями и вопросами по нему. Бросал кейс за кейсом, ломал наши банальные ответы за секунду, заставляя перестраивать логику на ходу. Я сидела, вцепившись в ручку так, что пальцы сводило судорогой. Мой конспект рос с пугающей скоростью. Записывала каждое его слово, каждую схему, которую он небрежно чертил на доске широкими, резкими мазками. И сознательно держала голову чуть опущенной, делая вид, что полностью поглощена написанием лекции. Мне не нужны были его сюрпризы. Мне не нужно было его внимание. Но мой мозг работал на пределе возможностей, просчитывая его каверзные вопросы за секунду до того, как он озвучивал вердикт. Я старалась мысленно ответить на каждый его вопрос, но вслух не произнесла ни слова. Это была изматыва-

ющая интеллектуальная тренировка.

Когда прозвенел спасительный звонок, знаменующий окончание пары, поняла, что у меня буквально трясутся колени. Откинувшись на спинку деревянной скамьи, шумно выдохнула. Тело казалось чугунным, а в голове гудело, словно только что разгрузила вагон с углем.

Иверский, в свою очередь, даже не попрощался. Молча закинул свой планшет в кожаный портфель, щелкнул замками, подхватил ключи от машины и вышел из лекционной, оставив после себя лишь едва уловимый шлейф парфюма.

— Мать моя женщина, ну и сумасшедший, — Маша с грохотом захлопнула тетрадь и буквально сползла под парту. — Я чувствую себя так, будто меня переехал каток. Причем дважды. Но какой же он горячий, зараза... Эти плечи...

— Извилины у него горячие, Маш, от осознания собственной крутизны, — раздраженно вытерла ладони о платье и потянулась к сумке, доставая бутылку с водой. — Этот человек — прямая угроза моему красному диплому. Он не просто сумасшедший, он опасный. Надо узнать, кто он такой и что вообще забыл в нашем нищем вузе.

— Ой, да ладно тебе, — Маша легкомысленно махнула рукой, доставая зеркальце. — Обычный препод-мажор. Поиграет в строгость на вводной лекции и успокоится. Пошли в буфет, кофе хочется. Нужно срочно заесть этот стресс чем-то сладким.

— Иди, я догоню, — кивнула, вытаскивая телефон. —

Мне нужно сделать пару звонков деткам.

Как только Маша двинулась в сторону студкафе, я устроилась на подоконнике в пустеющем коридоре. Мои пальцы быстро застучали по экрану, вбивая в поисковую строку: «Иверский Богдан Григорьевич юрист».

Результаты вывалились мгновенно, и их было на удивление много. Я прищурилась, вчитываясь в официальные строки на сайте нашего же университета.

«Иверский Б. Г., доцент кафедры предпринимательского права. Кандидат юридических наук».

Даже приоткрыла рот от изумления.

— Кандидат наук? Серьезно? — прошептала под нос. — Этот пафосный тип еще и диссертацию сам написал? Или папочка купил её вместе с должностью?

Но дальше пошли статьи посерьезнее. Сайт престижной юридической группы «Райт» выдал его профессиональное портфолио. Богдан Иверский числился там ведущим юристом практики корпоративного права. Спикер крупных бизнес-форумов, автор монографий.

— Странный тип, — пролистала его фотографии в безупречных костюмах на фоне логотипа фирмы. — И чего он притащился к нам? Выгуливать свои кашемировые водолазки перед бедными студентами? Зарплаты преподавателя ему небось как раз хватает на то, чтобы один раз заправить машину или купить ремешок для очередных швейцарских часов.

Это открытие меня не успокоило, а скорее наоборот — разозлило еще сильнее. Успешный человек его уровня не будет знать жалости к студентам. Для него мы — просто статистика. А значит, мне придется выложиться на триста процентов, чтобы угодить этому снобу. Какие бы цели он тут ни преследовал.

Экран телефона внезапно мигнул напоминанием, прерывая мои безрадостные думы. Я быстро, не откладывая, открыла мессенджер и набрала сообщение Денису:

«Не забудь забрать Лёвку из продлёнки после уроков. И не зависай со своими пацанами на гаражах, как в прошлый вторник. Если Лёвка просидит там лишние полчаса, я сниму с твоей карты деньги на его любимый мармелад. Твои финансы под моим контролем. Понял?»

Ответ пришел через тридцать секунд. Короткое и емкое: «ок». Подростки — мастера красноречия, ничего не скажешь.

Следом открыла чат с Камиллой:

«Камилла, привет, солнце. Как вернешься домой, достань, пожалуйста, курицу из морозилки и положи в раковину, чтобы она оттаяла к вечеру. Пожарим вечером в сливочном соусе. И проследи пожалуйста, чтобы Денис пришел домой вместе с Левой. Люблю тебя».

Камилла прислала в ответ кучу смайликов с сердечками и котиками. Хотя кто-то в этой семье проявляет эмоции без угроз физической расправы. Спрятала телефон в карман и

глубоко вздохнула, направляясь в буфет к подруге.

Когда четвертая пара закончилась, на улицу уже опустились сумерки. Дождь все-таки хлынул, превращая асфальт перед университетом в зеркальное месиво из грязи. Но у меня не было времени на уныние. Мой путь лежал в цокольный этаж спортивного комплекса вуза, где находился наш зал для тхэквондо.

Спускаясь по бетонной лестнице, пахнувшей сыростью и старой резиной, я чувствовала, как внутри меня буквально все дрожит от накопившегося за день напряжения. Фигура Иверского, ледяной тон, дурацкие правила — всё это осело во мне тяжелым осадком, который требовал немедленного выхода.

В раздевалке я быстро стянула нежно-голубое трикотажное платье, аккуратно повесив его на плечики. Вместо него надела плотные хлопковые штаны, простое белое кимоно и завязала на талии пояс, затянув узел резким, привычным движением.

Когда я зашла в зал, на татами уже разминались несколько парней и девчонок. Наш тренер, суровый мужчина средних лет с большим выпирающим пузом, молча кивнул мне, указывая на подвесные ленты для растяжки.

— Разумовская, сначала разомнись как следует, затем растянись. Сегодня спарринги на скорость, — бросил он.

— Поняла, — побежала по периметру зала, отгоняя все мысли из головы и концентрируясь на приятной боли в мыш-

цах.

Домой после тренировки буквально приползла. Ноги казались налитыми свинцом, а плечо, на котором висела тяжелая спортивная сумка с влажными после тренировки вещами, глухо поднывало. Наш пригородный сектор встретил меня темнотой и запахом мокрых луж. В окнах дома горел мягкий уютный желтый свет, и от этого зрелища на душе стало чуточку теплее. Мой твердый утренний настрой окончательно осыпался еще в троллейбусе, уступив место банальной, дикой усталости.

Стоило мне приоткрыть входную дверь, как в нос ударил запах чеснока и специй.

— Привет, банда, — негромко позвала я, стаскивая обувь в прихожей.

— Аля! — из гостиной выкатился Лёвка, держа в руках деталь от конструктора. Он тут же уткнулся носом мне в бок, обнимая за талию.

— О, Львенок! Как дела? Денис тебя во время забрал?

— Да! И даже не ругался! — с радостью отозвался братик.

— Да ладно? — удивленно приподняла бровь, потрепав мелкого по вихрастой макушке. — Неужели кто-то начал становится ответственным? Денис, ты ли это?

Из кухни высунулась такая же вихрастая голова брата. Он жевал яблоко и выглядел подозрительно мирным.

— Да ладно тебе, Аля, один раз забрал с опозданием, — буркнул он, но в глазах плясали смешинки.

— Ок, умничка, подвиг засчитан, — улыбнулась и погладила его по плечу, проходя на кухню.

Там уже вовсю хозяйничала Камилла. На ней был мой старый фартук в цветочек, который завязывался у неё почти на шее, а на плите в глубокой сковороде весело шкворчала курица. Камилла сосредоточенно помешивала её деревянной лопаткой, смешно высунув кончик языка от усердия.

— Ого, самостоятельный шеф-повар на проводе, — подошла со спины и обняла сестру за плечи, вдыхая запах её яблочного шампуня. — Пахнет просто невероятно. Помощь нужна?

— Сама справлюсь, — гордо заявила сестренка, не отрываясь от процесса. — Я уже и лук порезала, и приправу насыпала, как ты учила. Только помоги мне соус сделать, а то я боюсь пересолить.

— Без проблем, — вымыла руки, достала из холодильника сливки и соевый соус. — Ну, рассказывай, как дела в школе? Что по математике? Твоя классная мне сегодня не писала, это уже хороший знак.

— Всё нормально, — Камилла пожала плечами, но её взгляд вдруг стал задумчивым. Она медленно водила лопаткой по сковороде. — Получила четыре по тесту.

— Классно!.. Сентябрь только начался, не рановато для тестов?

— А это был срез по прошлому году, — и немного погода добавила. — Аль, а помнишь, мама тоже всегда делала эту

курицу в сливках? Только она еще какую-то желтую приправу добавляла. Всегда так вкусно пахло...

У меня внутри натянулась ржавая струна. Слово «мама» в нашем доме последние пару лет звучало очень редко. Слишком больно, обидно и неприятно. Когда она ушла, Лёвка был совсем крошечным, Камилла едва пошла в школу, а вся тяжесть рухнувшего мира упала на мои шестнадцатилетние плечи.

— Это желтая приправа называется "карри", зайка. А вообще без нее пахнет даже лучше, — тихо ответила я и принялась переливать сливки в мерный стакан, концентрируясь на белой струйке, чтобы не выдать бушевавших внутри эмоций.

— Аля... а как ты думаешь, она когда-нибудь вернется? — негромко спросила сестра, не поднимая глаз. В её голосе проскользнула детская тоска, от которой у меня сжалось сердце. — Ну, просто... она вроде обещала приехать на мой день рождения в прошлом году... И в позапрошлом тоже.

Камилла была слишком маленькой, когда это случилось, и отец берег её, не рассказывая всей правды. Она помнила маму красивой, пахнувшей вкусными духами женщиной, которая пела ей колыбельные.

Но я помнила другое. Я помнила тот день пять лет назад, когда у отца начались очередные крупные проблемы с бизнесом. Когда к нашему дому подъезжали хмурые люди на черных машинах, а папа пытался переписать часть имущества,

чтобы нас не оставили на улице, выгнав из этого дома. Мама тогда не выдержала. Она просто собрала свои чемоданы, забрала все наличные деньги из семейного сейфа, которые отец откладывал на наши экстренные расходы, и уехала «начать новую жизнь» в большой город с каким-то перспективным ухажером. Ей было плевать, что Лёвке тогда едва исполнилось два года, что Денис пропадал на улице от безысходности и злости на нее, а отец пил неделями от предательства и накопившихся невзгод. Она просто сбежала от трудностей, оставив нас выживать в сером болоте.

— Камилла, — я забрала у неё лопатку, заставляя сестру повернуться ко мне, и взяла её за руки. Её ладошки были теплыми и слегка влажными. — Ты уже взрослая девочка и должна понимать. Некоторые люди... они просто не созданы для трудностей. Наша мама сделала свой выбор. Ей хотелось легкой жизни, без забот, без криков детей и без наших проблем. Она уехала туда, где ей хорошо. И ждать её — это просто тратить свое время.

— Но ведь она наша мама... — на глазах Камиллы заблестели слезы. — Она же не может нас просто взять и забыть?

— Она и не забыла нас, родная, — прижала сестру к себе, утыкаясь подбородком в её макушку и чувствуя, как внутри меня закипает злость на эту женщину, которая подарила нам жизнь, но лишила материнской любви и поддержки. — Просто, выбрала другой путь, без нас. И у тебя же есть я. Есть папа, Денис, Лёвка. Мы — твоя семья. И мы никогда друг

друга не бросим. Нам никто больше и не нужен, мы со всем справимся сами. Понимаешь?

Камилла шмыгнула носом, крепко обняв меня за талию, и кивнула.

— Понимаю. Просто, иногда скучаю...

— Всё хорошо, глупышка, все мы скучаем, — ласково щелкнула её по носу, пытаюсь разрядить обстановку. — Давай, вытирай слезы, шеф-повар. Наш соус сейчас выкипит, и Денис-проглот съест нас вместо курицы. Накрывай на стол.

Ужин прошел в привычно-шумной обстановке. Мальчики уплетали еду за обе щеки, шутливо пытаюсь стащить лучший кусок друг у друга, Камилла ворчала на брата, а я просто сидела, лениво ковыряя вилкой в тарелке. Сил есть не было совсем. В голове крутился сегодняшний день.

После ужина, когда тарелки были опустошены, я устало потерла виски.

— Так, — скомандовала я, поднимаясь из-за стола. — Камилла, загрузи, пожалуйста, стиралку школьными вещами. Только не смешивай цвета как в прошлый раз, а то Лёвке опять придется белую рубашку покупать.

— Хорошо, Аля, сделаю, — послушно кивнула сестра, уже более веселая.

— А я пойду проверю, что там наш второклассник навалял в тетрадках, — потрепала Лёвку по плечу. — тащи дневник и тетрадки в гостиную.

Следующий час прошел под лозунгом борьбы за домаш-

ку. Лёвка пыхтел, высовывая язык, стирал ластиком кривые буквы до дыр в бумаге, а я терпеливо сидела рядом, проверяя правописание. Денис ушел в свою комнату делать вид, что учится, но судя по приглушенным звукам игры из-за двери, домашка снова была отложена до лучших времен. Я не стала ругаться — сил на очередную нотацию просто не осталось.

Папы дома по-прежнему не было. Обычное дело для будней. Его круглосуточный режим работы давно стер границы между днем и ночью. Около десяти вечера я наконец уложила Лёвку спать, поцеловала Камиллу в лоб и отправила её чистить зубы. Дом погрузился в долгожданную тишину.

Я вернулась в свою комнату, без сил рухнула на кровать прямо в одежде и уставилась в темный потолок. Тело гудело после тренировки, мозг отказывался соображать. Закрывает глаза, чувствуя, как проваливаюсь в глубокий, тяжелый сон без сновидений.

...Уже на грани забытья, сквозь плотную пелену дремы, меня вырвал знакомый звук с улицы. Тихое рычание мотора машины на подъездной дорожке. Свет фар на мгновение скользнул по моим шторам и погас.

Послышался мягкий щелчок закрывающейся автомобильной двери, затем — негромкий скрип замка на первом этаже. Шаги отца были тяжелыми, медленными. Я услышала, как под его весом тихонько застонала старая деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Он прошел мимо моей комнаты и скрылся в своей спальне.

Облегченно выдохнула в темноту. Живой. Дома. Всё хорошо.

Глава 3

К пятнице я почувствовала себя выжатым лимоном, который сначала прокрутили через мясорубку, а потом аккуратно забыли на солнцепеке. Бесконечные лекции, семинары, тренировки до темноты в глазах и, конечно же, домашний быт, который никто не отменял. Мой мозг работал в режиме перегрузки 24/7.

Поэтому субботу я объявила днем своей личной реанимации. Спала без задних ног, отключив все будильники и зарывшись в одеяло так глубоко, словно пыталась спрятаться от самой реальности. Меня не могли разбудить ни крики птиц за окном, ни привычный утренний грохот посуды на кухне — семья, на удивление, проявила редкое милосердие и старалась шуметь вполголоса.

Но в полдень меня разбудил легкий, осторожный тычок в плечо. Я приоткрыла один глаз. На краю моей кровати сидел Лёвка. Он был в своих домашних шортах, растрепанный, теплый и довольный.

— Аля, — прошептал он, заглядывая мне в лицо своими круглыми карими глазами. — Уже обед. Папа сказал тебя не трогать, но у меня в рюкзаке откуда-то дырка взялась. Починишь?

Я тяжело вздохнула, чувствуя, как лицо расплывается в сонной улыбке. Ну как можно злиться на это чудо?

— Починю, конечно, — прохрипела со сна, потягиваясь всем телом так, что хрустнули позвонки. — Тащи свой рюкзак на кухню. И дай мне пять минут, чтобы я вообще вспомнила, как меня зовут.

Суббота прошла тихо, по-домашнему. Домашки, гора белья, готовка. И я даже успела подготовиться к понедельничным семинарам, игнорируя дергающийся глаз. А в воскресенье наступил особенный день. День рождения Дениса. День его совершеннолетия. Рубеж, который в нашей семье воспринимался со странной смесью гордости и тревоги. Денис рос слишком быстро, слишком сильно пытаюсь походить на отца в его худшие, криминальные годы. Он отчаянно рвался на свободу, думая, что восемнадцать в паспорте автоматически делают его хозяином жизни.

Утром мы поздравили его всей семьей. Отец подарил ему хорошие наручные часы — не новые, но дорогие. Денис так сиял от гордости, рассматривая стальной ремешок на своем запястье, что на секунду снова показался мне мелким братишкой, которому я когда-то завязывала шнурки.

— Ну всё, сын, совершеннолетний, — отец крепко обнял его за плечи, похлопав по спине. — Теперь сам за свои косяки перед законом отвечаешь. Умнее будь.

— Понял, пап, — самодовольно ухмыльнулся Денис, косясь на часы. — Теперь-то уж точно сам разберусь.

Днем мы посидели за праздничным столом. Я приготовила его любимый торт с заварным кремом, Камилла подарила

ему рамку с рисунком, где изобразила его за рулем крутой тачки, а Лёвка просто нарисовал открытку с кучей кривых сердечек. Всё было идеально. Ровно до того момента, как на город опустились вечерние сумерки.

Отец уехал на ночную смену в бар — воскресенье традиционно было тяжелым днем. А Денис, быстро переодевшись в новые черные джинсы и кожаную куртку, объявил, что пойдет «прогуляться с пацанами».

— Денис, — я остановила его уже у самой двери. — Обещай, что вернешься вовремя. Завтра понедельник, тебе — в школу, мне — в университет. К полуночи чтобы был дома. Без глупостей.

— Да ладно тебе, Аля, не начинай, — отмахнулся он, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. — Мне восемнадцать сегодня, имею право расслабиться. Буду в двенадцать, зуб даю.

Он ушел, громко хлопнув дверью. И с этого момента время для меня остановилось. В полночь его не было. В половине первого телефон Дениса был «вне зоны доступа». В два часа ночи я уже мерила шагами гостиную, накручивая на палец прядь черных волос и чувствуя, как внутри всё сжимается от нарастающей паники. В голове крутились самые страшные картины: драка в клубе, полицейский участок, разборки с какими-нибудь местными отморозками. Я не могла сомкнуть глаз. Спать в такой ситуации было физически невозможно. Каждый шорох за окном заставлял меня вздрагивать

и бежать к стеклу.

Денис появился в начале четвертого утра.

Входная дверь тихонько скрипнула, и в прихожую ввалилась его покачивающаяся фигура. От него разило алкоголем, табачным дымом и жареным чесноком. Куртка была распахнута, на щеке красовалась свежая царапина, а взгляд был мутным и вызывающим.

Я стояла в проеме гостиной, скрестив руки на груди. Ярость, которая копилась во мне последние четыре часа, сейчас грозила взорваться, уничтожив всё на своем пути.

— Где ты был? — спросила шепотом, чтобы не разбудить Камиллу и Лёвку. — Телефон почему выключен? Денис, я тебе доверилась!

— Да чё ты орёшь-то сразу? — он пытался стащить кроссовки, едва не теряя равновесие. — Телефон сел. Гулял я. С пацанами. Имею право.

— Имеешь право?! — сделала шаг к нему, и в моих глазах вспыхнул опасный огонь. — Мы договаривались на двенадцать! Я здесь чуть с ума не сошла! Эгоистичный придурок!

— Да пошла ты! — вдруг сорвался Денис, резко выпрямляясь и глядя на меня сверху вниз с подростковой злостью. — Чё ты ко мне лезешь вечно? Задолбала уже своим контролем! Строишь из себя правильную... Да ты не мать нам, слышишь?! Что раскомандовалась тут?!

Эти слова сработали как подщечина. Сильнее, чем удары, которые я получала на занятиях по тхэквондо. Эмоции по-

кинули мое тело, а внутри воцарилась пустота.

Ты не мать нам.

Замерла, глядя на брата, который тяжело дышал, испугавшись собственной дерзости. Он знал, на какую мозоль наступил. Знал, сколько сил и личного времени я положила на то, чтобы сплотить семью после того, как наша настоящая «мать» сбежала за красивой жизнью.

— Пошел в свою комнату, — почти беззвучно произнесла я. В моем голосе не осталось красок. — Быстро. Пока я не забыла, что мы одной крови.

Денис сглотнул, отвел взгляд и, громко топая, поднялся по лестнице, хлопнув дверью своей комнаты так, что задрожала люстра в прихожей. А я осталась стоять в темноте. На часах было четыре утра. Спать до будильника оставалось ровно два часа.

Мое утро понедельника ожидаемо началось с головной боли и апатии от недосыпа.

Когда в шесть тридцать прозвенел будильник, мне хотелось просто разбить телефон о стену и никогда больше не вставать. Глаза были красными, веки опухли, а внутри всё горело от обиды на Дениса.

Я кое-как сползла с кровати, зашла в ванную и плеснула в лицо ледяной водой. Отражение в зеркале пугало — бледная, с темными кругами под глазами, уставшая девушка.

— Отличный понедельник, Аля, просто супер, — прошептала своему отражению.

Спустившись на кухню, сразу же заварила крепкий кофе. Мне нужна была убойная доза кофеина, чтобы просто дотащить себя до универа и дожить хотя бы до обеда. Через полчаса на кухне уже вовсю кипела привычная утренняя суeta, но сегодня, в отличие от других дней, атмосфера была натянутой.

— Лёвочка, быстро доедай кашу и собирай портфель! — громко скомандовала я, гремя тарелками. Мой голос звучал резче, чем обычно. — Камилла, ты почему еще не причесана? Бегом марш в ванную!

— Да иду я, иду, — проворчала Камилла, со звоном ставя чашку на стол. Почувствовав мое скверное настроение, она предпочла не капризничать лишний раз.

Денис зашел на кухню последним. Он не смотрел на меня, демонстративно уставившись в пол, и молча сел за стол, пододвинув к себе тарелку с бутербродами. На его лице читалось похмелье и глухое раздражение.

— Папа где? — спросила я у Дениса ледяным тоном, наливая Лёвке чай.

— Спит еще, — буркнул брат, не поднимая глаз. — Сказал, что мелких отвезет, но завтракать не будет.

— Отлично. Тогда быстро доедаем и освобождаем кухню. У меня нет времени на ваши кислые физиономии.

Я демонстративно отвернулась к раковине, чувствуя, как внутри всё клокочет. Мне хотелось кричать, высказать Денису всё, что я думаю о его вчерашней выходке, но присут-

ствие младших сдерживало меня. Приходилось держать лицо. Держать маску «идеальной старшей сестры», которая со всем справится.

Еще через сорок минут, проводив всех из дома, встала в своей комнате перед шкафом. Мне нужно было собраться, перебарывая адское желание свернуться клубочком под одеялом. Но мысль о том, что сегодня ожидался первый семинар у нашего нового "идеального" изверга, заставила двигаться мои конечности сами собой.

Я выбрала трикотажное платье песочного цвета и нанесла макияж плотнее обычного, чтобы скрыть круги панды под глазами. Тонкие стрелки, капля блеска на губах, массивные кольца на пальцах натянутая улыбка — в зеркале снова стояла безупречная Алекса Разумовская. Девушка без проблем и забот.

— Ну что, погнали, — подхватила сумку на ходу. — Посмотрим, что этот понедельник приготовил для моей нервной системы.

Дожить до третьей пары оказалось задачей из разряда миссий невыполнимых. К двум часам дня моя голова напоминала старый, треснувший колокол, в который кто-то методично и безжалостно бил тяжелым молотом. Третий стаканчик кофе, который я залила в себя в университетском буфете, больше не спасал. Он лишь заставлял сердце испуганно трепыхаться где-то в районе горла, а руки — мелко дрожать, когда я пыталась записать хоть строчку. Но расслаб-

латься было некогда. Впереди маячил первый семинар по Предпринимательскому праву. Тот самый, на котором наше новое светило науки обещало устроить нам «проверку на прочность».

— Лекса, ты какая-то бледная сегодня, — обеспокоенно прошептала Маша, когда мы заходили в кабинет. — Точно всё нормально? Может, прогуляемся? В сквере посидим, освежимся.

— Исключено, Маш, — мотнула головой, отчего виски тут же прострелило резкой болью. — Ненароком опоздаем еще на семинар его Величества... Пошли внутрь.

Помещение встретило нас тихим гулом. Большая часть одnogруппников уже расселась по местам, а кто-то даже уткнулся в конспекты, создавая напряженную атмосферу. Я устроилась на своем привычном месте у окна, достала лекционную тетрадь, ручку и замерла, уставившись на улицу, по стеклу лениво стекали крупные капли сентябрьского дождя.

Ровно через минуту после звонка дверь распахнулась.

Богдан Григорьевич Иверский вошел в аудиторию с такой легкостью, словно за его спиной не было тяжелого рабочего дня. Он стоял перед нами в пиджаке и тонкой белой рубашке, расстегнутой на две верхние пуговицы. От него веяло абсолютным контролем над ситуацией. Пройдя к кафедре, он окинул притихшую аудиторию своим фирменным взглядом. Его глаза на секунду задержались на мне. Смотрел внимательно, оценивающе. Я почувствовала, как моя кожа по-

крывается ледяной коркой. В его глазах проскользнуло едва заметное презрение, непонятного для меня происхождения. Прodelав то же самое с еще несколькими студентами из нашей группы, он улыбнулся. Хотя нет, скорее оскалился, обнажая клыки, которыми, судя по сему, планировал прокусить шею и выпить нашу кровь. А затем медленно произнес:

— Рад видеть всех в добром здравии, — голос прозвучал тихо, но заставил всех выпрямить спины. — Надеюсь, вы готовы к курсу. Ваши основные инструменты на этот год: память и смекалка. Так что можете не записывать толмуты лекций, главное — чтобы вы все запоминали! Слушайте и вслушивайтесь в то, что я говорю. Почитать теорию вы и потом сможете... в книжках. А сегодня мы с вами в качестве разминки разберем один из кейсов, возможных в практики. Корпоративные слияния и защита прав миноритарных акционеров. Просто чтобы вы понимали, чего ожидать от ближайшего полугодия.

Он подошел к доске, взял маркер и быстрыми, резкими движениями набросал схему холдинга.

— Итак, задачка, — Иверский повернулся к аудитории, засовывая руку в карман брюк. — Дано: крупная розничная сеть планирует поглощение логистической компании через присоединение. Мажоритарные акционеры обеих сторон «в доле» и лоббируют сделку по заведомо заниженному коэффициенту конвертации акций. Миноритарии логистов понимают, что после слияния их пакеты обесценятся втрое. Во-

прос: какой правовой механизм вы примените, чтобы заблокировать сделки реорганизации, если у мажоритариев железное большинство голосов на общем собрании акционеров?

В аудитории воцарилась гробовая тишина. Слышно было только, как шумит дождь за окном. Вечная отличница с первого ряда судорожно листала кодекс, пыталась найти хоть какую-то зацепку, но, похоже, тщетно. В учебниках такие сложные, «серые» схемы реорганизации точно не описывались. Б.Г. как будто прихватил эту историю из личного опыта. А сейчас просто пытался лишний раз показать, какой он крутой, раз со всем этим разобрался.

Иверский медленно прошелся вдоль кафедры, и его взгляд снова остановился на мне, предвещая что-то нехорошее. На его губах опять проявился оскал. Я с колотящимся — то ли от плохого предчувствия, то ли от ударной дозы кофеина за сегодня — сердцем отвернулась в сторону окна, пытаюсь скрыться от этого подавляющего взгляда.

И тут же услышала приближающийся к моему ряду голос: — Что ж... Раз желающих добровольно расстаться со спокойной жизнью нет, выберу на свое усмотрение. Как вас зовут? — его вопрос прозвучал как выстрел.

Я повернулась и наткнулась на его сверлящие глаза. На секунду даже забыла, как дышать.

— Алекса... — проговорила на выдохе.

— Алекса? И всё? — чуть склонив голову набок, настойчиво спросил этот демон.

— Алекса Разумовская, — уже тверже добавила я, мысленно приказывая себе не дрожать.

— Что же. Прошу вас, госпожа Разумовская. Вы у нас так увлеченно рассматриваете вид за окном. Поделитесь своими мыслями по поводу защиты миноритариев в данном кейсе?

Я медленно поднялась со скамьи, чувствуя, как внутри всё сжимается от смеси страха и дикого раздражения. Моя голова раскалывалась, безумно хотелось спать после ночной ссоры с Денисом, а тут еще этот пафосный сноб решил устроить мне персональную порку.

— Для начала, — заговорила, выравнивая дыхание и стараясь, чтобы голос звучал уверенно, — я бы проверила наличие корпоративного договора между акционерами логистической компании. В таких соглашениях могут прописать право вето миноритариев на принятие решений о реорганизации. Если договора нет, то я бы детально изучила процедуру созыва общего собрания — малейшее нарушение в сроках рассылки уведомлений дает право оспорить решение собрания в суде.

Иверский наклонил голову набок, и его глаза сузились. «Неужели ожидал, что я «поплыву» на первом же уточнении? Выкуси, зайчик.»

— Допустим, корпоративного договора нет, — безразличным тоном отозвался он, делая еще один шаг к моему ряду. — Процедура созыва соблюдена идеально. Мажоритарии не дураки, у них лучшие юристы в городе, которые закроют все

формальные бреши. Ваши дальнейшие действия?

Я сделала глубокий вдох, пытаясь сообразить. В голове внезапно всплыли отчеты отцовского ломбарда, где мы регулярно сталкивались с оценкой залогов и тем, как хитрые клиенты пытались занижить стоимость принесенного золота, чтобы выкупить его за бесценок. Житейская логика и опыт работы в семейном бизнесе сработали быстрее заученных параграфов из учебников.

— Тогда я бы пошла через оценку активов, — твердо ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Если рыночная стоимость имущества логистов занижена втрое, то и коэффициент конвертации акций рассчитан неверно. Это очевидный сговор оценщика с мажоритариями. Я бы потребовала проведение независимой судебной экспертизы отчета об оценке. И параллельно заблокировала бы слияние обеспечительными мерами до окончания этой экспертизы. Можно предположить, что если дело пахнет судом, уголовным делом об обмане акционеров и заморозкой активов, инвесторы сами разбегутся. Проще договориться на берегу, чем терять время в судах и губить репутацию.

По аудитории пронесся тихий шепот. Ответ звучал логично, практично и очень по-взрослому. Я мысленно поставила себе жирный плюс за сообразительность, удивившись возможностям своего мозга, работающего на чистом адреналине и инстинкте самосохранения.

Но Богдан Григорьевич не разделил всеобщего восторга.

Его лицо осталось непроницаемым, а в глазах вспыхнуло холодное недовольство.

— Проще договориться на берегу? — переспросил он, и в его голосе прозвучал откровенный, ядовитый сарказм. Он сделал еще шаг вперед, останавливаясь прямо перед моим рядом. — Разумовская, мы здесь находимся на юридическом факультете государственного университета, а не на... — он запнулся на секунду, словно подбирая приличное слово, — ...не на берегу, где вопросы привыкли решать понятиями и взаимным запугиванием. Ваша «логика» хороша для мелких лавочников, но в крупном корпоративном бизнесе она не стоит и бумаги, на которой написана.

Я почувствовала, как краска приливает к моим щекам. Мои пальцы со всей силы впились в край деревянной парты.

— Обеспечительные меры по заявлению о заниженной оценке? — продолжал Иверский, методично и безжалостно уничтожая мой ответ перед всей группой. — Арбитражный суд отклонит ваше ходатайство на первом же заседании, поскольку вы не докажете соразмерность мер и причинение компании невосполнимого ущерба. Вы просто впустую потратите время и деньги клиента, выставив себя непрофессионалом перед судом. Ваш «поверхностный подход» и попытка выехать на красивых метафорах о "запугивании инвесторов" — это абсолютная профнепригодность. Садитесь, Разумовская. Условное два за ответ.

— Два? — шепотом переспросила я, чувствуя, как внутри

меня взрывается ядерная бомба. — Но я предложила реальный механизм...

— Вы предложили механизм для уровня привокзальной чебуречной, — жестко прервал меня Иверский, отворачиваясь к доске.

Я медленно опустилась на место, чувствуя, как звенит в ушах. Щеки пылали, сердце колотилось как резиновый попрыгунчик, запущенный со всей силы, а недосып и усталость только усиливали эту лавину.

«Заносчивый хрен с синдромом вахтера!» — мысленно орала я, уставившись в свою тетрадь, где буквы расплывались перед глазами. — *Строит из себя вершителя судеб!»*

Маша осторожно коснулась моего плеча, но я даже не почувствовала ее прикосновения. Я просто не могла дышать. Вся эта душная аудитория, этот павлин в своем дорогом костюме — всё это вызывало у меня дикое желание ударить. Сильно. С разворота. Прямо в его безупречную челюсть. Я представляла, как пробиваю его со всего размаха.

Как только прозвенел звонок на перерыв, первая вскочила с места. Сгребла тетради в сумку со звуком, похожим на хруст костей, и со свистом вылетела из аудитории, едва не сбив с ног парочку первокурсников в коридоре.

Мне нужно было подышать. Срочно.

Выскочила на пожарную лестницу, где почти никого никогда не было, толкнула тяжелую железную дверь и вышла на свежий воздух под козырек. Дождь барабанил по метал-

лу, обдавая мое лицо холодными, спасительными брызгами. Я жадно вдыхала влажный воздух, пытаясь успокоиться.

— Тварь, — прошептала в пустоту, сжимая кулаки.

Я ненавидела его. За снобизм, за то, как он смотрел на меня — словно на пустое место, на грязь под ногтями. И пообещала себе, что не сломаюсь, чтобы не подарить этому индюку удовольствия от моего поражения.

...И я действительно не сломалась. Ни через день, ни через месяц. По крайней мере, внешне. Просто весь оставшийся сентябрь превратился для меня в бесконечный день сурка. Время летело с пугающей быстротой, стирая границы между днями.

Иверский на лекциях оставался верен себе в манерах. Но меня он больше не трогал — то ли решил, что я действительно безнадежна, то ли просто вычеркнул меня из списка живых. И смотрел всегда всквозь. Это с одной стороны радовало, но с другой стороны бесило даже сильнее, чем его придирки. Потому что конец семестра неумолимо приближался к концу, а я не знала, как к нему поступить.

Я готова была зубрить это его предпринимательское право по ночам, но понимала, что его отношение сложилось не из-за отсутствия знаний или компетенций, а из-за какого-то, возможно, предвзятого отношения ко мне.

Дома у нас с Денисом началась настоящая холодная война после его днерожденской выходки. Я перестала с ним разговаривать. Мы общались исключительно через Камиллу и

Лёвку, превратив наш дом в зону молчаливого отчуждения.

— Камилла, передай своему брату, чтобы он убрал свои кроссовки из прохода, пока я не выбросила их в окно, — проговорила я в один из привычных выечером за ужином, глядя мимо Дениса.

— Денис, Аля просит, чтобы ты убрал кроссовки, — послушно транслировала Камилла, испуганн переводя взгляд с меня на брата.

— Скажи ей, что сам разберусь, — огрызнулся Денис, утыкаясь в телефон.

Лёвка чувствовал это напряжение и постоянно пытался нас помирить, то и дело подсовывая нам свои рисунки или пытаясь усадить нас вместе смотреть мультики. Но я была непреклонна. Обида на слова Дениса *«ты не мать нам»* сидела во мне слишком глубоко, выжигая все остатки тепла. Получить такое в ответ в его восемнадцатый день рождения было слишком жестоко. Я закрылась. Но на тренировках выпускала ярость, выбивая всю дурь и вымещая накопленную обиду на Дениса и Богдана.

Глава 4

Так пролетели еще несколько недель. Я начала потихоньку остывать. Натянутые отношения с Денисом всё еще висели в воздухе тяжелым туманом, но сегодня я решила объявить перемирие — у меня просто не было сил злиться. На самом деле, где-то глубоко внутри мне было жутко неловко за свою вспышку. Накануне вечером, глядя на его виноватую физиономию, признала сама себе, что просто сорвалась на нем. Сорвалась за весь этот адский сентябрь, за дикие нагрузки на юридическом, за Иверского, который пил мою кровь чайными ложками на каждой паре, и за тотальную, выматывающую усталость, которая скопилась во мне. Денис, конечно, повел себя как придурок, но моя реакция была вызвана не только его опозданием, но еще и собственным нервным истощением.

Утро этого понедельника началось на удивление тихо и сонно, словно весь дом пытался продлить остатки выходных. По радио негромко бубнил какой-то расслабленный джаз. Я стояла у плиты, лениво помешивая овсянку и щурясь от яркого света кухонной лампы. Вся суета прошла по привычному сценарию, но без криков. Около половины восьмого отец зычно скомандовал: «На выход!», и дом наконец погрузился в долгожданную тишину. Дверь захлопнулась. Мои зайчики уехали в школу, а я осталась одна. У меня как всегда было

ровно сорок минут на личное пространство. Я поднялась в свою комнату, включила утюжок для волос и принялась за свой ритуал маскировки. Тщательно выпрямила пряди, нанесла безупречные стрелки на глаза и натянула уютное шерстяное платье.

Аккуратно упаковав тетради в сумку, спустилась на кухню, чтобы проверить плиту, и затем сразу двинулась в сторону прихожей. И когда я уже собиралась наклониться, чтобы обуться, входная дверь с грохотом распахнулась.

На пороге стоял Лёвка. Он тяжело дышал, его щеки покраснелись от бега.

— Аля! — выпалил он. — Я форму спортивную в гостиной на диване забыл! Папа ругается, говорит, сейчас уедет без меня!

— Ну Лёва, потеряшка, — беззлобно вздохнула, проходя в зал. — Я же говорила: проверяй портфель с вечера. Забери свою форму и бегом в...

Договорить я не успела. Лёвка сделал шаг, потянулся за пакетом с формой и вдруг... издал странный, глухой, хрипящий звук, от которого у меня внутри всё мгновенно застыло. Пакет выпал из его рук. В следующую секунду его тело резко вытянулось в струну, пальцы скрючились, и он с глухим стуком повалился на ковер.

Я замерла на долю секунды, не веря собственным глазам, а потом мир вокруг меня с грохотом полетел в бездну.

Лёвка лежал на боку, его маленькое тело судорожно ко-

лотилось в страшных спазмах. Из приоткрытого рта пошла белая пена. Его глаза... господи, его глаза закатились, были видны только белки. Он хрипел, синевя на глазах, словно задыхался.

— Лёва! — мой дикий, нечеловеческий крик, казалось, разорвал тишину дома на куски. — Лева! Что с тобой?!

Я рухнула перед ним на колени, забыв обо всем на свете. Руки затряслись, едва не выронив телефон. Входная дверь снова распахнулась — отец, видимо, услышав мой крик с улицы, вбежал в дом. За ним, бледные и испуганные, ворвались Денис и Камилла. Камилла застыла в дверях гостиной, широко распахнув глаза от ужаса, не в силах пошевелиться.

— Ч-что с ним?.. — заикаясь, выдавил Денис.

— Лёва! Лёвушка, слышишь меня?! — кричала, захлебываясь слезами, пока папа быстро опустился на колени с другой стороны, пытаясь придержать бьющегося в конвульсиях сына.

Он, несмотря на свое жесткое прошлое, выглядел абсолютно растерянным. Никогда не видевший подобного у детей, просто не знал, что делать. Его сильные руки заметно дрожали.

— Звоните в скорую! — выкрикнул он.

Я ткнула пальцем в экран телефона, набирая номер скорой помощи.

— Нам нужна скорая! Как можно скорее! — закричала в трубку, как только на том конце послышался спокойный

женский голос. — Ребенку плохо! Ему восемь лет, он упал на пол, его трясет, у него судороги, изо рта пена и слюни, господи, он синее! Пожалуйста, быстрее!

— Девушка, успокойтесь! — жестко оборвал меня диспетчер, возвращая к реальности. — Спокойно сообщите ваш адрес. Параллельно поверните мальчика на бок! Слышите? На бок! Ничего не суйте ему в рот, зубы не разжимайте! Просто придерживайте голову, чтобы он не ударился о мебель, и ждите бригаду.

— Повернуть на бок! Пап, на бок его, аккуратно! — командовала я, сообщая оператору адрес и отбрасывая телефон.

Мы вместе с отцом бережно повернули Лёвку на правый бок. Я подложила под его бьющуюся голову диванную подушку, молясь всем богам, которых знала. Денис стоял рядом, судорожно сжимая кулаки, а Камилла так и не сдвинулась с места, беззвучно плача и прижимаясь спиной к косяку двери. Каждая секунда казалась вечностью в чистилище. Слюни текли на ковер и на подол моего светлого платья, но мне было плевать. В моей голове пульсировала только одна мысль: *«Только живи, Лёвка, пожалуйста, дыши...»*

Через бесконечные пятнадцать минут приступ начал утихать. Спазмы прекратились, Лёвка обмяк, превратившись в безжизненную, бледную куклу, и впал в сон, шумно вдыхая воздух. В этот же момент послышался вой скорой помощи.

Врачи зашли в дом быстро, разложили носилки. Фельд-

шер на ходу осмотрел Лёвку, задавая вопросы и светя ему в глаза фонариком.

— Первичный судорожный синдром, подозрение на эпилепсию, — сухо бросил он. — Срочная госпитализация в детское неврологическое. Нужны обследования. Кто поедет сопровождающим в скорой?

— Я поеду! — мгновенно подалась вперед, поднимаясь с колен.

— Аля, ты тогда поезжай в скорой, оформи его там, — отец перехватил меня за плечо. Его взгляд был тяжелым, но собранным. Он уже взял себя в руки. — А я закрою дом, быстро отвезу Дениса и Камиллу в школу и приеду следом к вам. Ребята, марш в машину! — затем продолжил, повернувшись к врачам. — В какую больницу повезете?

Я не спорила. Запрыгнула в холодный салон скорой помощи, сядя на жесткую кушетку рядом с бледным Лёвкой и прижимая крепче свою сумку с тетрадками и документами брата. Всю дорогу до больницы держала его за маленькую, холодную ладошку, чувствуя, как меня самую колотит мелкой дрожью.

В приемном покое детской больницы царил привычный дурдом. Медсестры не спеша заполняли бланки, пока я пыталась вписать данные Лёвки в согласие на госпитализацию. Мои идеально выпрямленные волосы растрепались, лезли в глаза, на платье расплылось огромное грязное пятно, колготки были порваны на коленях, а тушь размазана по щекам от

слез. В общем выглядела ужасно.

Через полчаса, когда Лёвку наконец перевели в палату под капельницу, в коридоре больницы появился отец. Он подошел ко мне и обнял за плечи.

— Как он? — спросил папа.

— Спит. Врачи сказали, будут делать ЭЭГ и МРТ. Сказали, что полежит дня три-четыре, — мой голос сорвался на шепот.

Отец вздохнул.

— У тебя самой, наверное, пары. Езжай. Я пока тут побуду. Потом привезу тебя, как освободишься.

Посмотрела на свои часы. Вторая лекция началась двадцать минут назад. Это была лекция по предпринимательскому праву, и если с преподам первой пропущенной пары я еще смогла бы договориться, то неявка на занятие Иверского могла стоит мне зачета.

— Ладно, — выдохнула я, вытирая слезы. — Я поеду. Хоть на вторую половину пары постараюсь успеть. Звони мне в любую минуту, если что-то изменится.

Дорога в такси до университета превратилась в забег на время. Такси мчалось сквозь пробки, а я, забившись в угол заднего сиденья, пыталась склеить осколки своего идеального фасада. Машина сильно подпрыгивала на ямах и кочках. Влажными салфетками я наспех оттерла размазанную под глазами тушь, расчесала пальцами растрепанные волосы и попыталась хоть как-то вернуть лицу выражение спокой-

ствия. Разводы на платье тоже попыталась оттереть, но его спасти уже было невозможно. Доехав до вуза и дождавшись пятиминутного перерыва, попыталась прошмыгнуть внутрь помещения, когда открылась тяжелая дверь аудитории, и из нее вышел первый студент. Но по "счастливой" случайности на входе столкнулась с Богданом Григорьевичем. Он медленно окинул меня взглядом с головы до ног, задержавшись на грязном пятне и растерянном выражении лица.

— Разумовская, — его голос разнесся по комнате и привлек внимание оставшихся студентов. — Я, так понимаю, ваша ночная жизнь бьет ключом, и правила приличия для вас — пустой звук. — А затем, чуть помедлив, добавил. — Являться на мою лекцию в таком виде, еще и с опозданием — это неуважение не только ко мне, но и ко всему университету.

По аудитории пронеслись смешки. Кто-то из девчонок на первом ряду демонстративно фыркнул.

Внутри меня всё закаменело от невыносимой боли и обиды. Смысла и желания оправдываться не было, поэтому я просто стояла, глотая подступающие слезы.

— Вы можете быть свободны, — продолжал Иверский, обходя меня стороной.

Я развернулась и почти выбежала в коридор, едва сдерживая рыдания.

А все остальные пары отходила от утреннего домашнего инцидента и позора в лекционном зале. Моя рука то и дела

тянулась к телефону, проверяя, нет ли пропущенных звонков или смс от папы.

Когда занятия наконец закончились, вышла на крыльцо университета. У самых ворот университета уже стоял внедорожник моего отца. Папа, увидев меня, распахнул для меня дверь, потянувшись со своего водительского места. На удивление он выглядел достаточно бодро. Как только я забралась на пассажирское сиденье, он оглядел меня с сожалением и приобнял. На секунду мне стало спокойно в его объятьях, как будто даже снова почувствовала себя маленькой папиной дочкой.

— Чего только мы с тобой не пережили, да, Аль? — усмехнулся он, разряжая обстановку.

— Как Лёва? — спросила я, утыкаясь ему в плечо.

— Всё хорошо. Он пришел в себя, поел. Врачи говорят, что бояться нечего. Поедем в больницу? Он тебя ждет.

И в этот самый момент я боковым зрением почувствовала чужой взгляд. Резко обернулась в сторону окна. На крыльце университета, прислонившись к колонне, стоял Богдан Иверский. Он неизменно держал в руке кожаный портфель, а его голова была повернута в нашу сторон. Тем временем автомобиль отца взревел и тронулся с места, вырывая меня из потока грузных мыслей и увозя прочь от этого липкого взгляда.

В детском неврологическом отделении пахло специфическим больничным уютом, от которого у меня с самого дет-

ства тоскливо сжималось горло. Маленький Левка лежал на высокой белой кровати. Капельница уже закончилась, и сейчас он выглядел гораздо лучше — бледность ушла, уступив место слабому румянцу, а в глазах появилось привычное детское любопытство. Он увлеченно рассматривал трещины на потолке, но стоило нам войти, как его лицо мгновенно озарилось счастливой улыбкой.

— Аля! Папа! — пропищал он, пытаясь приподняться.

— Лежи, лежи, — быстро подошла к кровати, мягко усаживая его обратно на подушки и заглядывая в лицо. — Как ты себя чувствуешь? Ничего не болит?

— Спать немного хочется, — прозевал братишка, потирая лоб свободной рукой. — А вы не привезли мармеладки?

— Привезли, привезли, — улыбнулся отец, доставая из кармана заказ маленького манипулятора. — Ты пока отдохай, Лев. Мы сейчас с доктором поговорим и вернемся.

Оставив его, мы вышли в коридор, где нас уже ждал лечащий врач — пожилой плечистый мужчина в белом халате и очках в тонкой золотистой оправе. Он посмотрел на нас с отцом поверх очков внимательным, оценивающим взглядом.

— Ну что, Разумовские, — начал он, листая медицинскую карту Лёвки. — Первичные анализы у нас в норме. На ЭЭГ мы видим умеренную активность в височных долях. Это подтверждает наш предварительный диагноз: генерализованный судорожный приступ. Но пугаться раньше времени не нужно. Это еще не приговор и не хроническая эпилеп-

сия.

— А из-за чего это случилось, доктор? — тихо спросила я. — Он ведь никогда раньше не болел. Никаких травм, ничего...

Доктор вздохнул, поправил очки и посмотрел прямо на меня.

— Физиология, девушка. Мальчику восемь лет, идет активная гормональная перестройка организма, нервная система сейчас жутко уязвима. Но главный триггер в таких случаях — это почти всегда сильнейший, накопленный психоэмоциональный стресс. Нервная система просто не справляется с нагрузкой и выдает вот такую защитную реакцию в виде разряда. Расскажите мне, какая атмосфера у вас дома? Что происходит в семье? Были ли какие-то серьезные потрясения в последнее время?

Мы с отцом переглянулись.

— У нас... — я запнулась. — У нас мама ушла. Почти пять лет назад. Лёвка тогда маленький был, но...

— Вот вам и ответ, — мягко прервал меня врач, и в его голосе слышалось искреннее сочувствие. — Отсутствие матери в таком возрасте — это огромная, незаживающая травма для ребенка. Даже если вам кажется, что он всё забыл и адаптировался. Дети всё чувствуют, всё впитывают как губка. А если к этому еще добавить конфликты дома или в школе.

В голове мгновенно всплыла ссора с Денисом. Атмосфера

дома. Он крутился между нами, пытался заставить нас улыбнуться, отчаянно пытаясь склеить то, что мы так эгоистично рушили своей гордостью. И его маленькое сердце просто не выдержало этого пресса.

— Что нам теперь делать? — в голосе отца слышалась родительская боль. Он тоже винил себя.

— Во-первых, мальчику нужен абсолютный покой, — доктор закрыл карту. — Никаких криков и выяснений отношений. Дома должна быть максимально спокойная, доброжелательная атмосфера. Во-вторых, мы оставим его в отделении на три-четыре дня. Нужно провести МРТ головного мозга и дожидаться результатов развернутых анализов. Ночевать он может один, возраст позволяет, будет под присмотром нашего персонала. А к концу недели, если всё будет чисто, выпишем его домой с рекомендациями по режиму и легкими успокоительными. Но главное, повторюсь — это погода в доме. Это ваше лучшее лекарство.

Мы еще раз поблагодарили врача и вернулись к Лёвке. Когда пришло время прощаться, я почувствовала с каким усилием братишка заставляет себя держаться и не плакать. Оставлять этого маленького мужественного мальчика одного в больничной палате было невыносимо больно. Он смотрел на нас грустными глазами, но сдержал слово не расклеиваться и слушаться медсестер.

Когда мы с отцом вышли из больницы, на город уже опустились сумерки. Дождь барабанил по стеклу машины, пока

мы молча ехали домой. Каждый из нас думал о своем, но чувство вины было одним на двоих.

Вечером дома воцарилась непривычная тишина. Никто не бегал по коридору, не кричал и не хлопал дверями. Камилла сидела на диване в гостиной, прижав к себе плюшевого мишку Лёвки, а Денис стоял у окна, уставившись в темноту. Когда отец позвал всех на кухню, никто не стал артачиться. Мы молча сели за стол, перед каждым стояла нетронутая чашка чая.

— Так, ребята, — начал отец, обводя нас тяжелым взглядом. — Врач сказал, что Лёвка загремел в больницу из-за стресса. Из-за того, что у нас дома вечно искрит. Мы все тут виноваты, — он посмотрел на нас с Денисом.

Денис сглотнул, его плечи виновато опустились. Он больше не выглядел тем наглым бунтарем, каким пытался казаться недавно.

— Аля, — тихо произнес брат. — Извини. Я... я не должен был говорить те слова про мать. Ты реально для нас всё делаешь. И то, что с Лёвкой случилось... это из-за меня. Я его утром поторопил сильно, наорал, когда он форму забыл.

— Нет, Ден, — покачала головой, чувствуя, как на глаза снова наворачиваются слезы. — Это наша общая проблема. Мелкий всё это время пытался нас помирить.

— Давайте просто... поменяем всё? — шмыгнула носом Ками. — Пожалуйста. Давайте больше не будем ругаться. Пусть дома будет спокойно. Чтобы Лёвка больше никогда так

не падал.

— Да, — шумно выдохнул папа. — С сегодняшнего дня в этом доме действуют новые правила. Все проблемы решаем разговорами. Денис, не забывай, твоя задача — учеба и помощь Але по дому. Камилла, помогаешь сестре с готовкой без капризов. Аля... — отец посмотрел на меня с нежностью и грустью. — А ты прекращай все брать на себя и копить злость. Говори мне, если тяжело. Я буду больше времени проводить дома, найму помощника в конце концов.

Мы просидели на кухне еще долго, обсуждая, как будем навещать Лёвку по очереди, какие продукты ему возить и как теперь перестроить наш быт, чтобы дома наконец-то стало безопасно. Впервые за четыре года после ухода мамы я почувствовала, что мы действительно — одна команда. Одна крепкая семья, готовая стоять друг за друга горой.

Около полуночи вернулась в свою комнату. Взглянула на платье, брошенное в корзину для белья, вспоминая слова Иверского у порога аудитории. Натянула теплую пижаму и забралась под одеяло. Тело ломило от усталости, но сон не шел. В голове начали крутиться события сегодняшнего дня в университете, сменяя мысли о Лёвке.

Отталкивающий взгляд Богдана стоял перед глазами, как наяву. Его слова по-прежнему жгли мне душу, вызывая волну дикой обиды. Но вместе с обидой пришло трезвое понимание: мне нельзя пускать эту ситуацию на самотек. Если я продолжу гордо молчать и игнорировать произошедшее, он

действительно сотрет меня в порошок на зачете.

— Нужно что-то делать, — прошептала в темноту комнаты.

Завтра после пар подойду к нему. Наступлю на горло собственной гордости, переступлю через обиду и попробую извиниться за опоздание. Уточню, как могу отработать пропущенную лекцию. Скажу, что у меня возникли экстренные семейные обстоятельства — без подробностей, просто дам понять, что это была не вечеринка в клубе.

План казался унижительным, но единственно верным.

Перевернулась на бок, закрывая глаза. Тяжелый, сумасшедший понедельник наконец-то подходил к концу, забирая с собой все слезы, страхи и ярость этого дня. Лёвка под присмотром врачей, дома мир, а со своим «псевдопрофессором» я как-нибудь разберусь завтра.

С этими мыслями я наконец провалилась в глубокий, длительный сон.

Глава 5

Вторник начался с непривычной тишины. Мы все словно ходили на цыпочках, боясь спугнуть внезапный покой. Около семи утра папа быстро закинул Камиллу и Дениса в школу, а меня повез в детскую больницу, чтобы навестить Лёвку.

Мы пробыли в палате совсем недолго — минут двадцать, пока дежурная медсестра вежливо не попросила нас освободить помещение перед утренним обходом врача. Прощаться с Лёвкой было тяжело, но, по крайней мере, я уходила с легким сердцем: он выглядел стабильным и веселым.

Дальше папа подбросил меня на машине до университета, высадив прямо у главных ворот за пятнадцать минут до начала первой пары.

— Вечером созвонимся, — проговорил он, высаживая меня.

— Спасибо, пап, что подбросил, — быстро поцеловала его в колючую щеку и выскочила из салона.

У входа в вуз меня уже ждала Маша. Поэтому стоило мне подойти, как она тут же схватила меня за руку и потащила в сторону кофейного автомата.

— Рассказывай, как там Львенок? — спросила она, как только мы встали в очередь за горячим кофе. — Что врачи говорят?

— Всё нормально, Маш, — сделала глубокий вздох, меч-

тая о спасительном глотке горячего напитка. — Он стабилен, бодрый, домой просится. Оставили его в отделении до конца недели. Врач вчера сказал, что это был сильный психоэмоциональный срыв. Психосоматика на фоне... ну, ухода мамы и наших домашних разборок. Мы вчера вечером всей семьей поговорили, решили ввести новые правила. Кажется, даже Денис наконец-то взялся за голову.

— Слава Богу, — Маша обхватила стаканчик ладонями. — Я переживала. Всё представляла, как ты вчера бледная в аудиторию влетела. Но Лекса... Ты вчера после слов Иверского ушла, а он — всю оставшуюся пару злой как черт ходил. Девчонки с первого ряда пытались у него что-то спросить, так он их так срезал, что они чуть не расплакались.

— Как он меня саму взбесил этим, Маш... — поморщилась, вспоминая позор у двери. — Но сегодня я собираюсь подойти к нему. Надо как-то наладить контакт, а то не понятно, как он себя поведет в конце года.

Маша едва не поперхнулась своим капучино, округлив глаза от изумления.

— Что?! Ты с ума сошла? После того, как он вчера выставил тебя перед всем потоком? Да и ладно, одна неявка всего...

— Одна неявка может стать началом моего конца, — досадно посмотрела на колышущуюся пенку в стакане. — Но на кону мои старания, бюджет и диплом.... Поэтому я должна наступить на горло своей гордости. Извинюсь за вчераш-

нее опоздание, спрошу, как отработать неявку. Сделаю вид, что я примерная, послушная и раскаивающаяся студентка. Мне нужно выжать из него благосклонность в этом семестре, Маш. Любой ценой.

— Ну, подруга, — Маша посмотрела на меня с уважением и легким страхом. — Твоему мужеству можно только позавидовать. Ладно, давай проверим его расписание.

— Сейчас не успеем, давай после пары, может тогда же и поймаю его.

После первой лекции, я побежала к триста второй аудитории, где по плану Иверский читал лекцию экономистам. Студенты уже начали лениво выползать в коридор. Я стояла чуть поодаль, прислонившись спиной к прохладной стене, и чувствовала, как внутри всё сжимается от волнения. Пальцы крепко сжимали ремешок сумки.

«Спокойно, Аля. Ты просто студентка, которая хочет исправить оценку. Никаких эмоций. Только вежливость и покорность» — мысленно перебрала в голове аргументы, натягивая на лицо маску идеальной отличницы.

Наконец из дверей показалась высокая, статная фигура Иверского. Он шел небрежным, уверенным шагом, держа в руке свой портфель. На ходу застегивал пуговицы на пиджаке, бросая короткие ответы паре студентов, которые пытались увязаться за ним.

Я дождалась, пока они отойдут, и ускорила шаг, преграждая ему путь.

— Богдан Григорьевич, здравствуйте. Можно вас на пару минут?

Иверский остановился. Интуитивно выставил вперед портфель от неожиданности, обозначая границы перед собой, и посмотрел на меня сверху вниз своим фирменным взглядом. На его лице не отразилось ни единой эмоции — только привычное высокомерие.

— Слушаю, — сухо отозвался он.

Сглотнула вставший в горле ком, заставляя себя смотреть ему прямо в лицо и не отводить при этом взгляд.

— Я бы хотела извиниться за вчерашнее. Моё опоздание... У меня возникли экстренные семейные обстоятельства, из-за которых я не смогла прийти вовремя и привести себя в порядок. Хотела бы узнать: как могу исправить эту ситуацию? Как мне отработать пропущенную лекцию?

Иверский выслушал меня молча, даже не перебивая. Его взгляд медленно скользнул по моему лицу, задерживаясь на моих глазах. Было ощущение, что он не поверил ни единому моему слову.

— Отработать? — переспросил он. Я подавила желание стереть эту его ухмылку. Тем временем он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию, и заговорил тихо: — Для начала, Разумовская, начните поддерживать хотя бы базовую посещаемость моих занятий. Обеспечьте тот самый минимум, который обязан выполнять каждый нормальный студент в этом вузе, если он, конечно, пришел сюда учиться, а не про-

сто числиться ради корочки.

Его взгляд стал еще более жестким, колючим и пронзительным.

— Халатное отношение к обучению, опоздание, попытки выкрутиться за счет придуманных «семейных драм» ведут к тому, что в нашей стране с каждым годом увеличивается количество бездарных, никчемных специалистов. Я в «Райте» таких деятелей вижу пачками каждый день. И поверьте, сделаю всё, чтобы вы не пополнили их ряды. Готовьтесь к семинарам, Разумовская. И больше не опаздывайте. Это все, что вы можете сделать, чтобы сгладить ситуацию. Всего доброго.

Он обошел меня стороной, даже не дождавшись моего ответа, и зашагал по коридору.

Я осталась стоять посреди пустого коридора, глядя ему в спину. Мои щеки пылали от унижения, а внутри всё клокотало от такой дикой ярости.

«Бездарных специалистов?! Халатное отношение?! Да что ты вообще знаешь о моей жизни!» — мысленно кричала я, чувствуя, как ногти до боли впиваются в ладони.

Ярость — горячая, острая, смешанная с дикой обидой — на секунду полностью парализовала мою способность мыслить рационально. Но когда его высокая фигура в безупречном пиджаке начала удаляться по коридору, внутри меня что-то щелкнуло. Гордость? Нет, инстинкт выживания. Я не могу позволить ему уйти вот так.

Я сделала глубокий вдох, резко развернулась и почти бе-

гом бросилась догонять Иверского. Каблуки глухо стучали по полу, привлекая внимание редких студентов, но мне было плевать.

— Богдан Григорьевич! — позвала я, нагоняя его у самого поворота к лестнице.

Он остановился, развернувшись всем корпусом. Его брови едва заметно приподнялись, а на лице появилось выражение крайнего недоумения. Он, видимо, не привык, чтобы студентки бегали за ним по коридорам после того, как их прямым текстом послали.

— Дайте мне, пожалуйста, возможность исправить эту неявку, — заговорила быстро, глотая воздух и стараясь, чтобы мой голос звучал твердо, без слезливых ноток. — У меня в целом за все годы учебы — всего пара неявок. И вчера была неявка по причине того, что моему младшему брату стало плохо с утра. Мне пришлось везти его в больницу.

Сделала шаг ближе.

— Этот пропуск я бы очень хотела по возможности «стереть» или закрыть какой-то письменной работой может быть. Пожалуйста, дайте мне возможность сделать это. Я действительно дорожу своей посещаемостью и оценками. Для меня... для меня очень важно сохранить бюджетное место.

Слова дались мне с трудом, каждая фраза буквально со скрипом преодолевала барьер моей гордости. Я открыла перед ним часть своей уязвимости, которую обычно прятала за

семью замками, и теперь чувствовала себя так, словно стояла на матах без защиты перед готовым к удару соперником.

Богдан Григорьевич молчал. Он смотрел в упор, и в его ледяных глазах впервые за всё время нашего знакомства проскользнуло нечто новое. Он смотрел настороженно, слегка удивленно и по-прежнему с глубоким недоверием. Как будто сканировал меня, пытаюсь понять: правду ли я говорю или это очередная, виртуозно разыгранная драма профессиональной манипуляторши, которая пытается надавить на жалость семейными проблемами.

Он медленно перевел взгляд на мои пальцы, сжимающие ремешок сумки, затем снова посмотрел мне в глаза.

— Бюджетное место, говорите? — в его голосе больше не было прежнего ядовитого сарказма — только холодный интерес. Он помолчал секунду, словно взвешивая решение на невидимых весах. — Обсудим это с вами после семинара в четверг. Подойдите ко мне с напоминанием после пары.

У меня внутри словно оборвался натянутый трос, принося мгновенное облегчение.

— Спасибо, Богдан Григорьевич. Я обязательно подойду, — вежливо произнесла, слегка склонив голову.

Тем временем Б.Г. развернулся и скрылся на лестничном пролете. Я осталась стоять одна, медленно выдыхая скопившийся в легких воздух.

«Сработало. Господи, у меня получилось», — мысленно ликovala, чувствуя, как на губах появляется слабая улыбка.

Пусть он мне не верит. Пусть считает, что я лгу. Главное — он дал мне шанс. Он согласился на диалог, а это значит, что у меня есть время подготовиться и доказать ему, что я знаю его предмет лучше, чем он думает.

Следующие два дня до четверга прошли в режиме повышенной боевой готовности.

Каждый вечер, перед сном я уделяла полчаса времени на то, чтобы перечитывать лекции, надиктованные Иверским, и откладывать эту информацию в подкорке.

Мне нужно было отвечать на семинаре так, чтобы это звучало как привычная для меня речь. Чтобы у этого напыщенного пижона не осталось ни единого повода усомниться в моем отношении к его предмету.

В четверг я пришла в университет во всеоружии. На мне была воздушная шелковая блузка светлого кремового оттенка и узкие джинсы, выгодно подчеркивающие спортивные ноги. Волосы я заплела в тугую, гладкую косу, убрав все отвлекающие пряди от лица, а глаза акцентировала коричневыми дымчатыми тенями.

Богдан Григорьевич вошел в аудиторию ровно со звонком. Сегодня он выглядел особенно эффектно в коричневом блейзере поверх черной водолазки. Прошел к кафедре, положил свой портфель и, вместо того чтобы начать опрос, оперся ладонями о стол.

— Перед тем как мы начнем, — его голос мгновенно заставил всех замолчать, — у меня есть важное объявление.

Руководство юридической группы «Райт», в которой я имею честь работать, согласовало квоту. После Нового года компания берет пять лучших студентов вашего потока на преддипломную практику.

По аудитории пронесся восхищенный шепот. Все знали, что такое «Райт». Это был золотой билет в мир больших денег и элитного консалтинга.

— Отбор я буду осуществлять лично, — продолжал Иверский, и его темные глаза медленно скользнули по рядам. — По итогам этого семестра, ближе к зачету. Для вас намек: мне нужны те, кто умеет думать. Так что делайте выводы, господа.

У меня внутри всё буквально вспыхнуло. **Практика в «Райте»!**

Мой реальный шанс сделать успешную карьеру. Я обязана была попасть в эту пятерку. Чего бы мне это ни стоило. Но я заставила себя сидеть с самым невозмутимым видом, даже не шелохнувшись. Я не собиралась показывать ему свой азарт во время пары. Решила, что аккуратно спрошу об этом после семинара, когда подойду уточнять насчет отработки неявки.

Семинар пролетел на одном дыхании. А когда прозвучал финальный звонок, кафедру Иверского мгновенно оккупировала толпа студентов. Старосты, отличники и просто предприимчивые девицы наперебой пытались заявить о своем желании пройти практику, заглядывая ему в рот.

Богдан Григорьевич поднял руку, останавливая этот поток.

— Господа. Я уже озвучил критерии. Главное требование — хорошо провести этот семестр. Я буду наблюдать за каждым из вас на семинарах. Всё, свободны.

Толпа нехотя начала расходиться. Я стояла у среднего ряда, терпеливо ожидая своей очереди и делая вид, что изучаю пейзаж во дворе. Когда аудитория почти опустела, Иверский, собиравший документы в портфель, вдруг поднял голову. Его взгляд зацепил мою фигуру.

— Я помню про вас, Разумовская, — негромко произнес он, и его голос эхом разнесся по пустому классу. — Вы можете задержаться. Остальные — на выход.

Маша, проходившая мимо меня к двери, ободряюще сжала мое плечо и тихо шепнула: «Удачи, Лекса».

Дверь закрылась. В огромной аудитории воцарилась тишина, прерываемая лишь тихим шелестом дождя за окном. Я чувствовала себя некомфортно под его пристальным взглядом, но заставила себя выпрямиться, подошла к первой парте и села прямо напротив него, сложив руки на коленях.

— Слушаю вас, — Богдан Григорьевич прислонился бедром к столу, скрестив руки на груди. — Чем вы предлагаете закрывать свой пропуск?

— Я готова выполнить любое ваше задание, Богдан Григорьевич. Может написать аналитическую записку по пропущенной теме или...

— Давайте поговорим открыто, — вдруг прервал он меня. — Мне слабо верится, что вам вообще нужен этот диплом. И вся эта учеба.

Я почувствовала, как внутри меня снова начинает что-то, но заставила себя сохранить вежливое выражение лица.

— Почему вы так думаете? — спокойно спросила. — Я все три года до этого проучилась без единой проблемы. Иду на красный диплом. И помимо этого, я действительно хотела бы стать хорошим специалистом. Возможно, даже по направлению предпринимательского права. Но пока окончательно не решила.

Иверский хмыкнул. Его взгляд был скептическим, полным глубокого недоверия.

— Что же... Допустим, мы на секунду поверим в вашу красивую легенду, Алекса, — протянул он, постукивая пальцами. — Подскажите сами тогда, как бы вы могли полезно закрыть свой недочет? Проявите инициативу.

— Я могла бы на тему пропущенной лекции написать подробный реферат или подготовить презентацию по последним изменениям в законе об... — начала перечислять я.

— Какой реферат, Алекса? — Иверский раздраженно поморщился, прерывая меня взмахом руки. — Думайте шире. Мне не нужны ваши скачанные из интернета рефераты, у меня нет времени их читать.

— А как обычно отрабатывают неявки у вас? — я растерянно приподняла бровь.

— Вы пока первая, кому я вообще даю такую возможность, — отозвался он, и в его глазах вспыхнул опасный огонь. — Проявите смекалку, Разумовская. Я уже ранее озвучил всей вашей группе: ваши главные инструменты — это смекалка и память. Покажите мне их в действии.

Я задумалась... А может... Рискнуть? Или промолчать? Гордость и желание попасть в «Райт» боролись во мне секунды, но в итоге я сделала глубокий вдох и решилась на отчаянный шаг.

— Может... я смогла бы быть полезной в «Райте»? — озвучила, глядя ему прямо в глаза. — Раз есть возможность пройти там практику после Нового года, значит, у вас есть текущая работа для студентов. Может, я уже сейчас могла бы чем-то помочь? Разобрать архивы, подготовить документы к суду, сделать первичный анализ дел... Я готова работать бесплатно, по несколько часов в неделю в свободное от учебы время. Или помочь с каким-то одним проектом. Считайте это моей отработкой пропущенной лекции. Для меня самой это будет крутой опыт.

Иверский замолчал. Он смотрел на меня несколько секунд, не мигая, а затем тихо произнес:

— Смело...

И в этот момент его взгляд медленно, не торопясь, скользнул по мне вниз.

Он обвел взглядом мои ноги в узких брюках, торчащие из-под парты в проходе, затем медленно поднялся выше — к

моим плечам, шее и лицу. И тут его взгляд на секунду замер на моей груди. Я напряглась, почувствовав как ткань предательски очерчивает вздымающуюся грудь от пристального внимания преподавателя. Вероятно, тонкий шелк блузки безжалостно выдавал отсутствие белья под ним. Я еле сдержалась от того, чтобы поправить одежду и привлечь тем самым еще больше внимания.

В его глазах мгновенно вспыхнуло раздражение впере-мешку с мужским интересом. Лицо Иверского окаменело, а губы сжались в тонкую линию.

Внутренний щелчок его презрения был настолько громким, что я практически реально услышала его в этой мертвой тишине.

Глава 6

Мог ли он подумать, что вся эта моя «драма» с больным братом и бюджетным местом — лишь прелюдия к тому, чтобы втереться к нему в доверие и пролезть в престижную фирму через его постель? Скорее всего он так и сделал. И это, вероятно, только потешило его самолюбие, но мне это было на руку. Чтобы он не думал, если в конце концов это скажется положительно на результатах по итогам семестра, то плевать на его предвзятое отношение.

Тем более вместо того, чтобы выставить меня вон, Богдан Григорьевич медленно присел на преподавательское кресло и откинулся назад, упираясь ладонями в край стола. На его лице снова появилась улыбка.

— Вообще-то, Разумовская, — протянул он, неспешно барабанив пальцами по полированному дереву, — у меня есть для вас задача. И, кажется, вы подойдете для неё идеально.

— И что же это за задача? — поинтересовалась, приподняв бровь.

— Как вы уже знаете, я работаю в юридической фирме, — Иверский слегка наклонил голову набок, и его глаза сузились. — Преподавание в университете для меня дополнительная нагрузка, которая с этого года стала новой обязанностью. Мне нужен... условно назовем это помощником. Именно в этих вопросах.

— В каких вопросах? — нахмурилась. Перспектива стать его личным секретарем на кафедре пахла какими-то скрытыми неприятностями, но отступать было поздно.

— Во всех рутинных вопросах, связанных с преподаванием, — сухо ответил он.

— А вы не могли бы уточнить, что именно имеете в виду.... конкретнее? — сложила руки на груди. — Привести пару примеров... Чтобы я понимала масштаб катастрофы.

— А я думал, вы прямо ко всему готовы, — протянул он, забавляясь моей осторожностью. — Откуда столько вопросов? Испугались реальной работы?

— Праздное любопытство, — пожала плечами, заставляя себя мило улыбнуться, хотя внутри всё клокотало. — Я ведь не отказываюсь, Богдан Григорьевич. Просто интересуюсь условиями нашей... договоренности.

— Условия и задачи будут простые, Алекса. Проверка контрольных работ младших курсов по моим ключам, ведение электронных ведомостей БРС(прим.БРС- балльно-рейтинговая система), редкая подготовка материала и выгрузка свежих постановлений. Работы много, она нудная, и мне самому приходится делать ее по вечерам.

«Это мой шанс. Мой единственный реальный шанс добиться его благосклонности, спасти бюджет и показать ему реальное стремление.»

— Да, конечно, — подняла на него свои глаза. — Я буду рада помочь. Считайте, что ваш ассистент готов к работе.

Иверский внимательно посмотрел на меня, словно пытаюсь разглядеть что прячется за моей покорностью, а затем кивнул, вытаскивая из кармана брюк свой смартфон.

— Хорошо. В таком случае, давайте ваш номер телефона и электронную почту. Начнем вашу интеграцию в мою рабочую среду с понедельника. После лекции останетесь в аудитории, обсудим план действий и первые задачи.

Его пальцы быстро заскользили по экрану телефона, вбивая мое имя.

— Теперь можете быть свободны, — бросил он, даже не поднимая глаз от экрана.

— Всего доброго, Богдан Григорьевич, — вежливо попрощалась, подхватывая свою сумку.

На выходе из аудитории меня буквально за шкирку перехватила Маша. Она караулила меня за углом, нервно переминаясь с ноги на ногу и сжимая в руках свой стаканчик с кофе. Стоило двери за моей спиной захлопнуться, как подруга набросилась на меня с вопросом:

— Ну?! Живая? Он на тебя орал? Требовал забрать документы? Или... господи, Лекса, почему у тебя лицо такое, будто ты только что выиграла миллион в лотерею?

— Тише ты, — шикнула на неё, увлекая за собой по коридору в сторону лестницы. — Никто ни на кого не орал. Более того, Маш, я теперь... его официальный ассистент на кафедре. С понедельника вливаюсь в его рабочую среду.

Маша остановилась как вкопанная прямо посреди прохо-

да, едва не спровоцировав затор из спешащих на лекцию первокурсников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.